

Часть 1

Солнечный свет обжигал. Даже занавесив окно, нельзя было остановить идущий с улицы жар. Оконные рамы раскалились настолько, что даже лёгкое прикосновение могло обжечь.

Вне класса, в школьном дворе, свирепствовало солнце. Для раннего лета было слишком тепло. Нет, правильнее было бы сказать, что было жарко.

«...Хотелось бы, чтобы школа задумалась об установке кондиционеров».

На потолке беспомощно крутился вентилятор. Наблюдая за ним боковым зрением, учитель, Джессика Левиндир, протяжно вздохнула.

«Это из-за жары, или из-за приближающихся летних каникул?»

Из-за кафедры было видно, что все без исключения ученики растянулись на партах. Единый тест перед летними каникулами уже закончился, и сейчас наступил самый беззаботный период занятий.

— Кстати, все уже решили, в каком цвете вы будете специализироваться?

Смахнув со лба прилипшие из-за пота волосы, Джессика скрестила руки на груди. Спустившись с кафедры, она приблизилась к ученику, сидящему в переднем ряду.

— Ты решил, Зессель?

Она хлопнула по плечу задремавшего ученика. Встрепенувшись, он машинально почесал голову.

— Х... хватит, учитель. Я уже выбрал Красный! — воскликнул покрасневший парень, пытаясь скрыть своё смущение за громким голосом.

— Я так и думала, что ты это скажешь. Тебе же всегда нравился Красный?

— Разве он не самый выделяющийся из всех? Огонь — самое крутое песнопение!

В это время позади размахивающего руками ученика:

— Совсем ничему жизнь не учит. Ты ж обжёгся, когда последний раз сунул руку в огонь, — съязвил сидящий позади Зесселя мальчик в очках. По всему классу раздались смешки.

— Ну-ну, а какой цвет выбрал ты, Миррор?

Стараясь не допустить перепалки, Джессика решила задать свой вопрос парню позади. Тот, поправив очки, проговорил:

— «Вода — это жизнь» — а значит, Синий. Жизнь зародилась в воде. Поэтому я думаю, что создание объектов из воды несёт в себе очень глубокий смысл.

«Хоть ты и говоришь это, Миррор, но недавно ведь чуть не утонул в бассейне».

Мысленно улыбнувшись, Джессика перевела взгляд на сидящую позади Миррора девочку.

— А ты, Энн?

— Я?..

Лицо ответившей взволнованным голосом девочки слегка покраснело от смущения.

— Да. Каким цветом ты хочешь заниматься?

— Я... Я выбрала... Белый... потому что я хочу призвать пегаса.

Пегас относился к белым песнопениям высокой сложности. Энн была застенчивой и весьма депрессивной девочкой, однако ставила перед собой чёткие цели. И действительно, на последнем едином тесте её результат был одним из лучших.

— Ты точно сможешь это сделать. Желание призвать — самое важное чувство для самосовершенствования. Береги его.

Увидев, как смутившаяся девочка кивнула, Джессика продолжила задавать свой вопрос другим ученикам.

К тому моменту, как остался всего один не ответивший, распределение цветов было примерно таким: большинство высказавшихся выбрали Красный, Синему же досталось второе место. Третье место с почти одинаковым результатом разделили Зелёный и Желтый. В отличие от них Белый набрал не так уж и много голосов. Можно сказать, что это типичное для средней школы распределение.

«Так, а теперь последний. Но... вот с ней-то будут проблемы».

Остальные ученики, словно услышав мысли учителя, загалдели.

В конце-концов, все взгляды собрались на девочке, сидящей в конце класса. У неё были угольно-чёрные волосы до плеч и слишком тонкая, не по годам, фигура.

— Евамари, ты... выбрала этот... цвет?

— Да.

Девочка согласилась так, словно ответ был само собой разумеющимся.

— Я хочу «песнопения цвета Ночи».

Сразу же вокруг девочки раздалось хихиканье.

— Вау, опять та же самая фразочка!

— Снова она за своё, упрямая Ева.

Одни громко комментировали, другие смеялись вместе с друзьями. Реакции отличались, но общим в них было то, что все они высмеивали слова Евамари.

— Ладно, хватит. Успокойтесь все!

Угмонив разшумевшийся класс, Джессика снова повернулась к девочке.

— Евамари, тебе не интересны другие цвета?..

— Не интересны.

Девочка моргнула. Названного ей цвета песнопений не было среди доступных к выбору в старшей школе. Более того, такого цвета песнопений вообще не существовало в природе.

Школа песнопений Эльфанда — таково официальное название этой школы. Здесь ученики ставят себе целью совершенствование навыков призыва с помощью «песнопений». Исполнить песнопение — это значит пропеть имя. Это умение призвать к себе существо, которое хочешь увидеть, представив образ у себя в сердце и восславив его имя. Главная особенность этой техники — «классификация по цветам».

Всех нас окружают различные предметы, которые наделены своим собственным цветом. Эти воспринимаемые человеческим глазом цвета — свет с определённой длиной волны — обладают энергией, которую могут использовать люди через песнопения для призыва разных объектов.

Keinez [Красный], Ruguz [Синий], Surisuz [Желтый], Beorg [Зелёный], Arzus [Белый].

В целом, песнопения состоят из пяти цветов: четырёх из семи видимого спектра и белого.

В настоящее время не существует ни одной формулы песнопений вне этих цветов. Хотя исследователи по всему миру и пытаются превзойти этот предел, до сих пор считается невозможным создать какое-то иное песнопение.

Но несмотря на всё это, девочка с момента своего поступления в среднюю школу так и не изменила своего мнения. Мнения, что существуют песнопения цвета Ночи.

— Вот как... Ну, твёрдо знать, чем ты хочешь заниматься — это замечательно, Евамари.

Хотя многие в классе насмеялись над ней, девочку это совсем не затронуло. Она вела себя очень зрело, и всё же её упорное нежелание изменить своё мнение можно было считать ребяческим. Вот такая странная ученица.

«Что такое песнопения цвета Ночи?» — учительница несколько раз задавала девочке вопросы, но та так ни разу и не дала содержательного ответа.

В огромном классе раздался звон, означающий конец пятого урока.

«Последний урок закончился, значит можно расслабиться. Больше нет необходимости терпеть эту жару, от которой тело будто тает. Больше нет причин разбираться с этой девчонкой»

— На сегодня всё. Мне пора идти на собрание, поэтому классного часа не будет. Кроме тех, кто будет убираться в классе, все могут уходить. Сегодня очередь Евамари и Би.

И вновь класс зашумел, готовясь к походу домой. Немного понаблюдав за происходящим, Джессика быстро направилась к двери.

Прозвенел звонок, оповестивший всех о конце учебного дня. В комнате стало настолько тихо, что можно расслышать своё дыхание. Сквозь окна светило жаркое вечернее солнце, закрывающее всё поле зрения. Видом из окна в одиночестве любовалась девочка, волосы которой свободно колыхались на лёгком ветерке.

«Вау, опять та же самая фразочка!»

«Снова она за своё, упрямая Ева».

«Всегда, всегда одно и то же! Только издеваются. Только смотрят свысока. И одноклассники, и учитель... Нет, — все вокруг смеются надо мной и затем уходят».

— ...Это не ложь.

Тихо пробормотала она. Девочка ни о чём не сожалела. Она уже давно привыкла к издевательствам и насмешкам. Неважно, что её никто не понимает. Желание быть принятой всеми — ошибка.

— Какой красивый закат...

Второй этаж школы. Не самое высокое место для наблюдений, однако девочке всё равно нравился этот пейзаж за окном.

Заходящее солнце ослепительно сияло. Оно благословляет всякого, кого касаются его лучи, — полная противоположность «цвету Ночи», к которому она так стремилась. Несомненно, именно потому, что она не могла достичь его, её так тянуло к нему.

«И всё же... И всё же я...»

Девочка резко закрыла глаза. Приятный ветерок, унесший жару вечернего солнца, обдувал её. Девочка на мгновение доверила себя ему.

Isa Yer she riena xeo i pel

[Давай позвоним в колокольчик цвета Ночи]

Словно разговаривая сама с собой, она испустила вздох.

miqvvy elmei nehhe virgia-c-fifsia

[Лишь тебя я желаю]

Нет, не вздох.

Ветер сумерек разносил звуки песни.

zette ovan Yer be zarabearc solituqs

[Оттого ли ты плачешь в тиши одиноко?]

Lears neckt ele ravience Shadir Isa jes qusi xin fears toga peg ilmei shel

[Ты мала, ты нигде, В этом месте лишь я]

Jes kless qusi medolia lef circus, medolia lef zarabel

[Мелодия эта — дрожь сердца и танец рыданий]

Hir sinka I, bekwist WeR muas ririsia harmone lef twispel

[Ведь она — пропитавшая мир песня возлюбленной ночи]

Yer she saria stig lef xeoï peg pel

[Да вернётся к тебе та клятва, что выткана цветом Ночи]

U da lostasia dremren boema foton doremren

[О забытое дитя, дитя, что было рождено]

O univa sm thes hypne

[Добро пожаловать обратно в колыбель]

Ende Years besti...

[И тогда я...]

Хотя последний куплет уже начался, девочка оборвала свою песню. Замолчав, она медленно обернулась.

— А я хотел дослушать до конца...

Казалось бы, класс должен быть совершенно пустым, однако до сих пор она не замечала сидящего за партой позади знакомого ей мальчика.

— Это очень спокойная песня. Мелодия кажется немного грустной, но она более чувственная и красивая чем всё то, что я слышал прежде. Ты сама её сочинила?

«...Мне нет необходимости отвечать».

Поскольку объяснения были бы слишком затруднительными, девочка сразу отвернулась от собеседника. Но...

— Эй, Евамари. Ты способна создать теорию?

От этих слов её ноги остановились сами.

— Теорию? — машинально повторила Евамари.

Её собеседник демонстративно приподнял бровь и проговорил:

— Песнопений цвета Ночи. Ты же не собираешься исходить из существующих цветов?

— Ты всё равно не поймешь, даже если я расскажу тебе, Ксинс.

Ксинс Эирвинкель. Он ничем не выделялся среди других учеников класса, да и оценки его были весьма средними. Хотя у него было много друзей, но старостой парнишка так и не стал. Евамари разговаривала с ним от силы два или три раза.

— Как недружелюбно.

Мальчик, цвет волос которого был не то каштановым, не то золотистым, слегка качнул головой. Девочка перевела взгляд с него на вещь, которую он держал в руках.

— Мне казалось, что сегодня на дежурстве вместе со мной Би. Тогда почему здесь ты с метлой в руках?

— Я вместо него. Ему ведь завтра произносить речь, поэтому сейчас он висает в библиотеке. Но похоже, что я опоздал: ты и без меня уже всё сделала.

Ксинс беззаботно отбросил метлу в сторону. Положив руки на подоконник, он выглянул наружу и пожал плечами. Евамари больше не собиралась терпеть его выходки.

— Ты всё сказал? Тогда я...

«Ухожу».

Прежде чем она успела бросить эту фразу, парень перебил её:

— Что ты будешь использовать в качестве катализатора?

— Катализатора?

Катализатор — необходимое для песнопения средство. Это материал, служащий основой для обмена длинами волн с объектом призыва. Он используется во всех песнопениях, а значит, песнопениям цвета Ночи тоже потребуется катализатор.

«Так вот что он хотел узнать, однако...»

— Почему тебе это интересно?

До сих пор самое большее, что у неё спрашивали это: «Что такое песнопения цвета Ночи?» О таких вещах, как прогресс в создании теории или материале-катализаторе не спрашивал никто, даже классная руководительница.

Словно уходя от ответа вопрос, Ксинс вытянул руку в окно и указал куда-то вниз.

— Результаты нынешнего теста вывешены там, в центральном коридоре первого этажа. Ты среди отличников по пяти предметам.

Пять предметов означали пять цветов песнопений. В вопросы тестов входило и перечисление катализаторов, и описание успешных экспериментов с песнопениями; кроме того ученикам предлагалось предположить причины неудачных опытов. Оценив результаты этого теста, можно было определить: есть ли у учащегося энтузиазм в изучении песнопений.

— И что с того?

— К тому же у тебя же лучший результат на нашей параллели.

— Совпадения порой пугают.

В этот момент уголки его рта приподнялись.

— Неправда. Ты просто забыла занизить свои оценки.

Слова были подобны яду. Его голос словно обрёл силу. Он по-прежнему смотрел в окно на школьный двор. Но даже так от его взгляда исходило такое давление, будто бы он смотрел прямо на неё.

— С твоим-то уровнем не должно быть проблемой получать такой результат каждый раз, однако ты всегда специально занижала свои оценки. А в этот раз попросту забыла это сделать. Всё верно?

— Глупость. Это превознесение раздражает. Людей, которые будут заниматься настолько неразумными вещами, наверно, попросту не существует.

Но лицо собеседника не дрогнуло от брошенных Евамари слов. Парень был невероятно спокоен, как будто он предвидел и это её возражение, что невыносимо раздражало девочку.

— Не существует, да? По правде говоря, я так и делал.

— ...Ты?

— К слову, на тестах я выполняю только половину заданий, а другую половину сдаю пустой. Иногда учителя задают вопросы, но от них можно очень легко отмазаться.

«Не понимаю о чём он... Зачем?»

— ...У меня, наверное, те же причины, что и у тебя.

— Те же, что и у меня?

— Экзамен в конце года. Если покажешь на нём выдающиеся результаты, тебя заметят в королевском исследовательском институте, — проговорил парень и осёкся.

Однако, прежде чем девочка попросила его продолжить, он сам охотно заговорил:

— Да, ты получишь стабильное будущее, но первое, что тебя ждёт при поступлении в старшую школу при исследовательском институте — роль помощника у профессоров. Грубо говоря, слуги. От такой жизни я отказываюсь. И, я думаю, ты тоже презираешь такой порядок.

И только закат, который окрасил форму мальчика в алый, помог Евамари понять тот факт, что сейчас парнишка захватил всё её внимание. Лишь сейчас девочка смогла услышать свои чувства.

Стук в груди незаметно стал громче. Девочка ощущала себя так, словно пребывает в какой-то иллюзии, созданной парнем. Иллюзии, будто он слышит стук её сердца; может видеть её насквозь.

— Другими словами, хоть ты и отбрасываешь надежное будущее, у тебя всё же есть цель, к которой стремишься. Когда дело касается песнопений цвета Ночи, то ты попросту не можешь не верить в них.

— И что ты хочешь этим сказать?

Он медленно повернулся ко ней.

Всё это время она ждала именно таких слов, сказанных именно таким голосом.

— Также как и ты хочешь стать певчей цвета Ночи, у меня тоже есть своя цель.

Выражение его лица, прежде озорное, стало смущенным и скромным — таким, какое он никогда не показывал в классе. Наблюдая за ним, Евамари ощутила странное, непонятное ей чувство.

«Также как ты хочешь стать певчей цвета Ночи...»

Может быть потому, что в глазах мальчика не было насмешки, когда он заявил это?

И одноклассники, и учительница... Все, кого она встречала раньше, лишь криво улыбались в ответ на её слова. Однако он так не поступил.

«Ты, и правда, веришь в то, что я сказала? Ведь до сих пор все меня считали лишь проблемой...»

Медленно, совсем по чуть-чуть, биение у неё в груди становилось всё быстрее и быстрее. Однако это биение не было неприятным, даже наоборот — спокойным и нежным.

— Ты сказал, что у тебя есть цель... Что ты имел в виду? — с трудом произнесла девочка, еле шевеля пересохшими губами.

— О, похоже, ты наконец-то заинтересовалась.

— Мда, если ты меня просто дразнил, то мог бы ничего и не говорить.

— Эй, постой, подожди!

Когда Евамари уже собиралась развернуться и уйти, он убрал ухмылку с лица и взволнованным голосом произнёс:

— Я стремлюсь к песнопениям Радуги.

— Радуги?

Этого слова она раньше не слышала, поэтому машинально повторила его и глубоко задумалась.

— Да, в отличие от тебя я не собираюсь создавать какое-то новое песнопение. Keinez [Красный], Ruguz [Синий], Surisuz [Желтый], Beorc [Зелёный], Arzus [Белый]. Если объединить их все, ведь это и будет нечто похожее на радугу, не так ли? Освоить все пять цветов — вот моя цель.

— Как безрассудно.

Евамари вздохнула и демонстративно пожала плечами.

Она, конечно, предполагала его ответ, но и подумать не могла, что он скажет нечто настолько ошеломительное. Обычно изучение одного цвета занимает больше десяти лет. И даже если полностью освоить Красный, особенности следующего цвета, Синего, останутся совершенно непонятными. Хотя все песнопения — это одна отрасль знания, теории цветов полностью различны. Он и сам должен был понимать это, ведь именно поэтому парень и спросил у неё: «ты же не собираешься исходить из существующих цветов?»

Можно, конечно, освоить один цвет за десять лет, но к тому времени и выносливость, и интеллект уже ослабнут. Сейчас максимумом того, что может один человек, считается освоение трёх цветов из пяти.

Евамари насмешливо улыбнулась.

— Даже если ты когда-нибудь сможешь это сделать, то, скорее всего, уже будешь дедушкой.

— Да? Мне кажется, моя цель ни в чём не уступает твоей.

— Но я бабушкой не стану, потому что точно умру раньше.

Чувства были высказаны.

«О нет!»

Евамари сразу же пожалела о своих словах.

«...Почему я сказала такую глупость?»

Просто под влиянием эмоций она открыла то, что никому не собиралась рассказывать. Девочка знала: её лицо сейчас неприятно скривилось.

«Как же стыдно».

Ей не хватало сил скрыть это выражение.

— Евамари... Ты же сейчас не всерьёз?

Он смотрел на неё не так, как прежде.

Хоть она и попыталась отвести взгляд, но не смогла. Мальчик видел каждое движение её тела. Его взгляд подобен острому ножу: бессмысленно вытаскивать, ведь кровотечение от этого станет лишь сильнее.

«Можно было бы солгать. Скорее всего, он не станет расспрашивать меня дальше... Но всё же...»

— В моей семье у всех было слабое здоровье, поколение за поколением. Все умирали очень рано. Даже мама умерла сразу после того, как родила меня. И я такая же, поэтому не могу и надеяться освоить все пять цветов, как ты.

Эти слова вылетели у неё изо рта быстрее, чем она успела их осознать.

«Это мои настоящие чувства. В них нет ни капли лжи. Поэтому я и не смогла остановиться. Потому что это впервые».

Стоявший передо Евамари мальчик внимательно вслушивался в её слова. О песнопениях цвета Ночи. О ней самой. Впервые кто-то слушал её.

И одноклассники, и учительница, и окружающие взрослые — все считали слова девочки выдумками ребёнка, которые никто не воспринимал всерьёз. Но этот мальчик...

— Моя болезнь уже начала проявлять себя. Времени уже почти не осталось. Поэтому я хочу сделать хоть что-то напоследок.

«Именно так. Песнопения цвета Ночи ради этого и нужны».

Неожиданно мальчик отвёл взгляд.

«Дура... Слишком разоткровенничалась».

Какая ирония. Ведь только из-за этого жеста Евамари смогла заметить, что её глаза намокли.

«Почему я плачу? Потому что мне грустно? Нет. Что это за чувство? Если бы со мной всё было как обычно, то я ни за что бы не расплакалась в такой ситуации».

— ...Ты спросил, способна ли я создать теорию? Примерно половина уже у меня в голове. И катализатор, и вид канала. Но она всё ещё кажется мне иллюзией.

Вздыхнув, Евамари протёрла глаза рукавом формы. Лишь когда девочка утёрла слёзы, он снова повернулся к ней.

— Евамари, можно один вопрос... Что ты хочешь хочешь призвать с помощью песнопения цвета Ночи.

— Секрет.

Смотря прямо в лицо мальчику, Евамари улыбнулась, но не фальшиво, а естественно.

— Как ты думаешь, я успею?

«Успеешь... что?» — он не задал такого вопроса.

— Как ты думаешь, смогу ли я создать новое песнопение, которое никто никогда не видел, и никто никогда не пел.

Она сделала шаг в его сторону.

В конце концов он был таким же, как и она. Неспособным лгать. Потому что всё сразу же проявлялось у него на лице.

Парень понимал, что если он согласится без каких-либо возражений, то это будет лишь проявлением жалости. И поэтому не мог просто кивнуть, но и отвергнуть возможность успеха он тоже не мог.

Время шло, а мальчик никак не мог ни кивнуть, ни покачать головой.

— Посоревнуешься со мной? — неожиданно сказал он.

— А?

— Я освою все пять цветов раньше, чем ты создашь песнопение цвета Ночи. Через двадцать... нет, я сделаю это меньше чем за десять лет. Поэтому ты тоже пообещай. Пообещай, что покажешь мне завершённое песнопение цвета Ночи, пока ты жива.

Невозможно освоить все песнопения за десять лет. И он должен был лучше других это понимать.

«Вот упрямец...»

Несомненно, этот мальчик — идиот. И ничего с его упрямством не поделать.

«Но мне нравится это безрассудное состязание. Потому что я такая же».

Слова рвались из Евамари.

— Если ты справишься...

Прежде чем она смогла продолжить, она почувствовала, как нечто переполняет её изнутри. В горле было что-то горячее и горькое.

«Это из-за слёз?»

И как только она об этом подумала, они вновь покатались по её щекам.

— ...Можно я буду первой, кто это увидит?

Когда девочка заметила, что мальчик кивнул, она ещё раз вытерла слёзы.

Далёкое-далёкое будущее. Однако...

Двое, обменявшиеся обещаниями, пошли каждый своим путём.

Один в двадцать с чем-то лет достиг успеха в том, что не удавалось никому в истории. Его имя мгновенно разлетелось по всему миру, его буквально обожествовали при жизни. Число людей, желающих стать его учениками, перевалило за сотню в течение года.

Другая тоже пыталась стать первой в чём-то, чего ещё не видел мир.

Но удалось ли ей это — неизвестно. Никто не знает, смогла ли она достичь своей цели. Её имя не стало известным, и не было никого, кто хотел бы стать её учеником.

Незаметно для всех путешествуя по миру, она исчезла где-то на континенте.

<http://tl.rulate.ru/book/115581/4520665>